

Павел Буланже

Болезнь Л. Н. Толстого в 1901–1902 годах



Павел Буланже

**Болезнь Л. Н. Толстого
в 1901–1902 годах**

«Public Domain»

1911

Буланже П. А.

Болезнь Л. Н. Толстого в 1901–1902 годах / П. А. Буланже — «Public Domain», 1911

ISBN 978-5-04-007447-1

«Помню, как двадцать два года тому назад я в течение нескольких месяцев потерял тестя, ждал потери жены, которой доктора предсказывали неблагоприятные роды, и затем через месяц после рождения потерял сына, скончавшегося в страшных мучениях...»

ISBN 978-5-04-007447-1

© Буланже П. А., 1911

© Public Domain, 1911

Павел Буланже Болезнь Л. Н. Толстого в 1901–1902 годах

Помню, как двадцать два года тому назад я в течение нескольких месяцев потерял тестя, ждал потери жены, которой доктора предсказывали неблагополучные роды, и затем через месяц после рождения потерял сына, скончавшегося в страшных мучениях.

Я был молод, полон веры в себя, но тут как-то все у меня померкло, жизнерадостность куда-то улетучилась, и передо мной вставало все то, о чем я раньше не думал, вставали самые естественные вопросы о жизни, о цели существования моего, и как-будто бы я взбирался куда-то по узенькой каменистой тропинке, под моими ногами вырывались, скользили камешки, падали в бездну, и мне казалось, что вот-вот и я соскользну туда.

На столе стоял маленький гробик, я собирался сегодня хоронить моего первенца, единственного сына, с которым я прожил месяц, наблюдая, как в этом маленьком, невинном существе жизнь боролась со смертью. Страдал я ужасно. Я чувствовал, что я виноват во всем, чувствовал, что жизнь не то, что я так легкомысленно радостно рисовал себе раньше, и без слез я мучительно страдал. Вопросы вырывались за вопросами, а ответы к ним не приходили, и этот грозный, мрачный ряд вопросов, казалось, сейчас задавит меня, задавит и уничтожит бесследно, и я с отчаянием глядел в окно на улицу, видел толпы прохожих, видел, что вокруг совершается еще жизнь, но мне все было чуждо. Я глядел на этот совершенно чуждый мне мир, ничего не замечал и чувствовал, что надо отсюда уйти и этим прекратить дальнейшее зло, которое я делал в жизни, превращая ее из радости в страдание, из красоты в мерзость.

Под окном стоял почтальон и, очевидно, долго уже обращал безуспешно мое внимание на себя. Наконец я взял у него квадратный синий конверт, надписанный совершенно незнакомым мне размашистым, длинным почерком, вскрыл его и, не понимая, от кого бы это могло быть, разыскал на последней четвертой странице подпись имени того человека, который так дорог мне стал в течение остальной моей жизни, – Лев Толстой.

Эта мрачная шеренга тяжелых, грозных вопросов, которые с таким упрямством и настойчивостью наступали на меня, как будто заколебалась. Я поднял голову, я вдруг увидел, что я, безоружный и совершенно обессиленный, получил подкрепление и в мои руки вложили меч, и, кажется, меч добрый, и, когда я поднялся и встряхнулся окончательно, врага не было. Оставалась мучительная, разламывавшая меня тяжесть напряжения, но я готов был идти дальше, готов был бороться...

И вот прокатилось уже двадцать два года, как я знаю этого человека. И когда я вспоминаю эти годы, вспоминаю разные события, время от времени встряхивавшие меня, погружавшие иногда в пучину отчаяния, безвыходности, снова встает предо мною тот же человек. Когда, казалось, я должен был задохнуться от грязи и мерзости, в которую попал, когда все, казалось, уже отвернулось от меня, дышать было нечем, просвета не было и спасения тоже, я опять услышал голос того же человека, пробуждавший меня к жизни, снова ее чувствовал и начинал жить.

За эти двадцать два года я пережил периоды близости к тому, кто неизгладимо, неразрывно вплеся в мою жизнь, так что иногда мне казалось, я не чувствовал своей жизни, и за это время я часто и неоднократно мог наблюдать интимную жизнь, день за днем, час за часом того человека, которого весь мир называл великим. Говорят, что когда наблюдаешь вблизи великого человека, его повседневную жизнь, то величие это значительно исчезает. Великий человек является обыкновенным, с недостатками, страстями, мелочами и т. п.,

и постепенно перестаешь ценить тот бриллиант, которым он умеет сверкать перед другими при особенном освещении.

Тогда, следовательно, Л. Н. Толстой не был этот великий человек.

И действительно, я не мог и не могу относиться к этому человеку, как к тому великому, каким его считает мир. Та удивительная, кристальная чистота его души, то высокое напряжение духовной жизни в нем, которое приходилось мне наблюдать и, наблюдая, как бы нечаянно заглядывать в лучший, неведомый еще нам мир духа, не позволяют мне уже видеть того величия, которое видят другие.

В величии, которое одни приписывают другим, кроется всегда та фальшь отношений, при которой возможно всегда отдалиться от этого «великого» человека, считать его чуждым, считать, что он говорит, недостижимо для нас. Величие – это патент на то, чтобы отдалиться от нас этого человека. Но не то со Львом Николаевичем Толстым. Он так страстно шел к источнику жизни, так верил и видел в людях одну высшую жизнь, что, идя сам к ней неизменно, неуклонно, каждый момент своей жизни открывал и другим ее, каждому старался отдернуть ту завесу, которая скрывает этот другой, высший в нас мир, видя который мы только и можем быть счастливы. Раздувая к себе этот огонь божеской жизни, он спешил к каждому помочь сделать то же. Он страдал, когда видел, что другие не делают этого. И чем он выше, чище становился, тем теснее вплетался своей жизнью в жизнь других.

Каждый день, каждый час, каждый момент своей жизни этот удивительный человек уходил от себя и, когда бывал с нами, как бы боялся показаться в том виде, в каком он только что пришел, в котором он только что был, потому что, если бы мы увидели его таким, нам стало бы нестерпимо стыдно за свою мерзость и грязь. И в особенности это было поразительно и ярко, когда он хворал, хотел совсем оставить нас здесь, а мы, не видя и не зная, куда он идет, как бессмысленные букашки копошились около него, «помогали» ему и не понимали того, чем он живет и что видит.

Болезнь представляет для огромнейшего большинства людей несчастье, страдание, а приближение к смерти – еще худшее бедствие. Но эти-то пробные камни были тем точилом, которое только оттачивало у Л. Н. Толстого его меч, которым он безбоязненно разрубил препятствия этой временной телесной жизни и шел к другой – вневременной.

И вот один из таких периодов жизни его, когда чистота и высота его духовной жизни особенно отдаляли его от людей, мне и хотелось бы припомнить теперь насколько можно подробнее.

В июне 1901 года я находился в Москве, вместо того чтобы быть за Орлом в имении Кочеты у Сухотиных, куда меня приглашала дочь Льва Николаевича Толстого, Татьяна Львовна <...> и где в это время гостил Лев Николаевич. Но дела меня задержали, и я все собирался выехать, хотя боялся, что не застаю в Кочетах Льва Николаевича. Тогда я решил выехать, по крайней мере, навстречу Льву Николаевичу, – я знал, что он был не совсем здоров и хотел доставить ему хотя бы удобный переезд по дороге, так как имел возможность пользоваться при проезде по этой дороге отдельным вагоном.

<...>

Не теряя времени, я поехал на вокзал, дал телеграмму в Орел. <...>

В десять часов вечера я был на станции своего назначения, а через полчаса подошел и встречный поезд, в котором должен был ехать Лев Николаевич. Хотя я и вышел разыскивать его по вагонам, боясь, что он не получил моей телеграммы, но, оказывается, он ее получил и облегчил мое затруднение, сам выйдя из вагона со своей спутницей. <...> Вид его был крайне измучен, кроме того, на пальце руки я заметил перевязку.

– А вы все-таки перехватили меня, – сказал он каким-то надтреснутым голосом, верный признак волнения или физического страдания, – и я очень рад сейчас, очень благодарен, и нездоровится, и очень устал.

Оказалось, путешествие Льва Николаевича <...> до станции железной дороги было очень тяжело и мучительно. Ввиду того, что ехать в экипаже было очень болезненно, Лев Николаевич предпочел пойти на станцию пешком, выйдя заблаговременно. Провожатого он отказался взять, не желая стеснять других, и, расспросив дорогу, пустился в путь. Но пройдя часа полтора, он устал и, кроме того, желая взять прямое направление, которым он сократил бы версты три-четыре, сбился с дороги. Наступали сумерки. Лев Николаевич карабкался с холма на холм, терял силы, видел, что сбивается совсем с первоначального направления. Спустилась ночь, и невдалеке от себя Лев Николаевич услышал лай собак, он направился туда и нашел пастухов на заброшенном хуторе. Здесь он узнал, что значительно отклонился от дороги, что до станции еще верст шесть. Тогда он стал просить достать где-нибудь лошадь – лошади не было. Не возьмется ли кто-нибудь проводить его до станции или, по крайней мере, вывести на дорогу? Никто не соглашается, боятся: в этой местности много волков, и рисковать в эту темень никто не хотел. Указали направление – и с Богом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.